

K 556
465

К Р О К О Д И Л

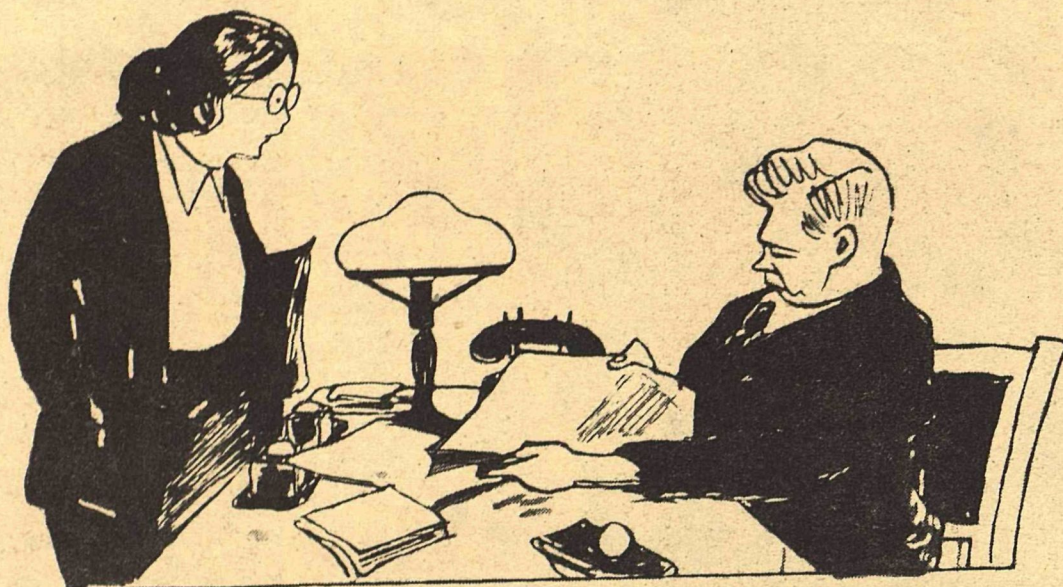

Рис. Бор. Ефимова

СЦЕНА И ЖИЗНЬ

Публика жалуется, что современного героя редко увидишь в театре.
А посмотрите в зрительный зал!..

Рис. Л. Бродаты.

— Тут в газете ругают какие-то журналы, а я их не читал. Прочтите всё это и доложите, в чём дело.

БАГДАД. Местная газета «Аль-Сиасса» закрыта за выступление против английской политики. В связи с этим выходящее здесь издание «Тысяча одной ночи» будет дополнено новой сказкой Шехерезады о буржуазной свободе печати.

ЛОНДОН. Известный английский фашист Освальд Мосли организует своё издательство. Для начала он издал возглас одобрения в честь властей, разрешивших ему беспрепятственно продолжать его фашистскую деятельность.

АНКАРА. Местные власти весьма оптимистически расценивают результаты последних выборов в советы вилайетов. «То обстоятельство, — заявляют они, — что в Анкаре и других городах голосовало только 20 процентов избирателей, мы считаем очень хорошим началом. Ещё четыре избирательных кампании с двадцатипроцентным участием населения — и мы будем иметь сто процентов».

ЛОНДОН. Генерал Андерс закончил свою «патриотическую» деятельность поступлением на службу в английскую армию, где он будет получать жалованье 90 шиллингов в день, что равняется по курсу 30 серебрянникам.

Блестящая рекомендация

В ПОСЛЕОБЕДЕННЫЕ часы в приёмную Главтарама энергичной походкой вошёл мужчина.

— Такая чудная девушка и прозябает в главке! — сказал он секретарше нежным, проникновенным голбсом. — Роза прерий, как выразился поэт. Вам бы на сцену... В Большой театр... Кстати, Иван Иванович у себя?

— У нас нет Иван Ивановичей, — ответила секретарша, — у нас Пётр Ильич...

— Пётр Ильич? Ну, и отлично, чудесница! И докладывать не нужно.

И энергичный мужчина исчез за массивной дверью, разделанной под морёный дуб.

— Доброго здоровьячка, Пётр Ильич! — произнёс он тем же проникновенным голосом. — Разрешите?

Пётр Ильич буркнул в ответ что-то нечленораздельное, могущее, впрочем, означать, что он занят.

— А вы прекрасно выглядите, Пётр Ильич! — восхищённо воскликнул посетитель, быстро преодолевая пространство от дверей до стола, уставленного старинной бронзой. — Прекрасно! Уже отдохнули?

— Нет ещё, не отдыхал, — более членораздельно произнёс Пётр Ильич.

— А выглядите чудесно и совсем не стареете! — восторженно продолжал посетитель.

— Да вы садитесь, товарищ! Прошу! — и широким жестом начальник Главтарама указал на кресла. — Чем могу быть полезен?

— У меня к вам небольшое дельце, — скороговоркой произнёс посетитель, утопая в кожаном кресле. — Я слышал, что из вашего главка несколько человек уехало на периферию. Зная вас хорошо как человека глубоко принципиального, талантливого и чуткого руководителя, предлагаю свои услуги на любую должность в главке. Не место красит человека, а человек место, как говорили в древнем Риме. Скажу вам

откровенно, Пётр Ильич, у меня есть два-три хороших предложения работы, но я решил податься к вам. «Пойду, — думаю, — к Петру Ильичу: это государственный ум, с ним и работать приятно».

— Что же я вас не вспомню? — произнёс Пётр Ильич, жмурясь от славословий, как кот, которому чешут за ухом. — Не вспомню — да и баста!

— Ничего не поделаешь, Пётр Ильич! Года не красят человека, как сказал поэт. Мало прожито, да много пережито.

— А фамилия ваша как?

Посетитель привстал и с приятностью и вместе с почитительностью поклонился:

— Смирнов. Василий Иванович Смирнов.

— Смирнов? Гм... И Смирнова не помню.

— Да где же вам всех помнить, многоуважаемый Пётр Ильич? Разве вы с вашими заботами всесоюзного масштаба можете запомнить всякую мелкую гайку? Мне и жена говорит: «Разве Пётр Ильич тебя вспомнит? У Петра Ильича хватает своих государственных дел чрезвычайной важности».

— Это верно, — произнёс Пётр Ильич, продолжая жмуриться. — Куда же вас пристроить, голубчик? Разве направить вас в плановый отдел?

Посетитель безмолвно поклонился, выразив этим, что он бесконечно доверяет государственному уму и исключительной чуткости руководителя главка.

— Так и сделаем! — решил Пётр Ильич и вызвал секретаршу: — Проводите товарища к Ивану Фёдоровичу.

— Садитесь, пожалуйста, — приветливо улыбнулся Иван Фёдорович. — Так вас направил сам Пётр Ильич? Да, нам нужны такие люди, как вы: проверенные, изученные, с солидной рекомендацией. Жаль только, что я не могу вас устроить у себя, — закончил он сокрушённо,

но, — нет свободных штатных единиц. Вот у Семёна Борисовича есть. Пойдёмте к Семёну Борисовичу!

И, заперев на ключ все ящики письменного стола и кабинет, Иван Фёдорович повёл Василия Ивановича по коридору.

— Да вон и Семён Борисович, — закричал он, заметив в глубине коридора розовую лысину. — Семён Борисович, дорогой, а мы к вам. Разрешите представить: это хороший знакомый Петра Ильича. Пётр Ильич настойчиво рекомендует его в главк на работу.

Семён Борисович задумался, опустив глаза.

— Есть! — радостно воскликнул он после некоторого раздумья. — Будьте добры, Василий Иванович, пройдёмте со мной.

И Семён Борисович проводил Василия Ивановича на следующий этаж.

— Знакомьтесь, Данило Васильевич, — сказал он, — это ближайший друг Петра Ильича. Пётр Ильич не хотел бы упустить его как работника, исключительно ценного для нашей системы...

— Так за чем же дело стало? — отвечал Данило Васильевич, расплываясь в радушной улыбке. — Такие люди нам нужны дозарезу! И медлить нечего! Сейчас мы и приказик сочиним!

Вечером, читая приказ о зачислении на должность Смирнова, Пётр Ильич слегка задумался:

— Хотя убей меня, не помню я этого Смирнова! А человек он, видно, способный, дельный. Как это он сказал? «Вы, — говорит, — государственный ум, талантливый руководитель...»

Пётр Ильич снова зажмурился, как кот, которому почесали за ухом, и приказ подписал.

Надежда КОРОЛЕВА

Ей хватает почёга
И хватает зарплаты.
Зачастили к ней в гости
Осторожные сваты:

— Дескать, так-то и так-то,
Не укрыться от факта:
Есть жених на примете...
Дело в вашем ответе!

— Покажите, — увидим! —
Отвечает невеста.
— Если стоящий, — выйдем!
А не то... Вам известно.

С каждым днём я приметней,
Каждый день меня славит,
И приданое скоро
Мне правительство справит.

Вы, надеюсь, читали
На досуге газеты,
Там достаточно ясно
Говорится про это.

Будет светлая хата,
Будет полный достаток.
А себе жениха-то
Я найду и без сватов!

Сергей ВАСИЛЬЕВ

ЗНАКОМЫЕ ВСЕ ЛИЦА

— В этом журнале печатается мой новый колхозный роман.
— А вы разве знакомы с колхозной жизнью?
— Нет, я хорошо знаком с редактором.

В о ж а к

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ колхоза «Маяк» Максим Фёдорович Кашеваров сидит в конторе и беседует с приехавшим пропагандистом. Бритое, несколько одутловатое лицо Кашеварова, плотная и короткая его фигура и даже руки, которыми он обхватил своё колено, выражают совершеннейшее самодовольство. Он рассказывает пропагандисту, как он, Максим Кашеваров, предвидя будто бы длительную засуху, заблаговременно распорядился сделать го-то и то-то, и если бы не он, не его распорядительность и дар предвидения, то тут было бы крайне худо.

А сделал он вот что: во-первых, «особенно упёр на снегозадержание и поднял на это дело всю массу», во-вторых, «уложился на севе в двенадцать календарных дней» и т. д. и т. д.

Поодаль, у задней стены, сидят конюхи, животноводы и семеро или восьмеро стариков-колхозников. Одни из них ждут счетовода, другие — кладовщика, а старики пришли просто посидеть, послушать, потолковать...

И вот слушают. Кашеваров точно забыл о них и не видит их и врёт, врёт... Говорит он горячо, убеждённо и, верно, уже сам не знает, что в его речи правда и что вымысел. Старики переглядываются, покашливают. Никакого «упора на снегозадержание» Кашеваров не делал, и яровой сев длился не двенадцать дней, а тридцать четыре... И ещё бы, верно, минута — другая, и колхозники непременно заговорили бы, и это был бы весьма крутой разговор.

Но тут длинный, костлявый старик Родион Семякин берёт какую-то газету, отрывает клоч, уже хочет делать кручонку и вдруг щурится,

повёртывает газету к окну, глядит на неё справа, косится слева.

— А ведь это вроде Пашка Савельев,—изумлённо произносит он.

Рядом с Семякиным сидит коренастый, с густейшими бровями дед Ефим Косых. Он тоже сощурился, поглядел и недоумевающе выговорил:

— Вроде он, Пашка. Он самый! Это к чему же его тут показывают? Дай-ка, я сейчас... Надел очки, стал читать...

* * *

Когда-то председателем здешнего колхоза работал Павел Савельев, тихий и как будто ничем не примечательный парень. Худо ли, хорошо ли руководил Савельев колхозом, здесь уже никто не помнит, так как работал он тут всего полгода, а потом его перевели в другую деревню, что в сорока или даже в сорока пяти километрах отсюда. К тому же это было давно, лет двенадцать тому назад, и с тех пор в колхозе сменилось не меньше двадцати председателей, и теперь уже трудно припомнить, кто из них как работал.

И вот в областной газете портрет Павла Егоровича Савельева и особая статья о нём.

Ефим Косых читал:

«...невзирая на крайне неблагоприятную погоду, на полное двухмесячное бездожде и сильные суховеи, колхоз «Муравей», руководимый П. Е. Савельевым, берёт в среднем с гектара свыше ста пудов пшеницы, около ста двадцати пудов ячменя и овса. А урожай проса достигает на некоторых участках двадцати пяти центнеров...»

Статья была большая.

* * *

В конторе уже человек пятьдесят. Тут члены правления, и все активисты, и животноводы, и те колхозники, которые живут недалеко от правления; они приходят сюда почти каждый вечер.

— Эт-то хозяин! — произносит Родион Семякин, щурясь и, видимо, пытаясь припомнить хоть что-нибудь из деятельности Павла Савельева, когда тот был здесь председателем колхоза.— Эт-то хозяин! Он ведь и у нас начал было заворачивать, да вот в другой колхоз послали. Бывало, идёт и всё до наималейшего видит. Хорошая хозяйка в своей избе того не увидит, что он в колхозе. Всё видел, всё к сердцу брал. У него того не было, чтобы в конторе сидеть и на жизнь не глядеть.

— И беспокойный, помнится, был,— говорит кузнец Вавилов, который тоже очень неясно помнит те месяцы, когда Савельев руководил колхозом. — Ещё ни свет, ни заря, ещё ни пито, ни едено, а он уже подле фермы, или в конюшне, или в амбарах, или ко мне в окошко стучит: «А ну, Еременч, поднапрём на ремонт! Я тебе двадцать мешков курного угля достал...» И не то, что распоряжается, да кричит, да угрозы делает, а всё на совести базирует и в ум мысли кладёт и в человеке гордость поднимает. Для человека время не жалел. По избам ходил, к себе людей собирал: дескать, Егор Еременч, Пётр Семёныч, Иван Никитыч, да неужто я тебе такого развития не достигнем, чтобы колхоз-ягоду построить...

— Это правильно,— подхватывает мельник

Остужев.— У него, бывало, всё загодя сплано-вано. Кругом ясность. И от плана уже не отступит нипочём. Как железо был. И подходил к людям тихо, с резонансом: дескать, вы хозяева, вы всё спланивали, а моё дело — только вашу волю исполнить.

И снова заговорил старик Родион Семякин. Заговорил он угрюмо и всё поглядывал на Кашеварова:

— И потом ещё вот чего: в грамоте он был сильный. Не то что теперь некоторые. Хоть вот тебя, Максим Фёдорович, взять. Когда ты речь говоришь, не в обиду себе это возьми, не поймёшь, человек ты или кукушка. Вот намеренный целый час говорил. И всё, что ни говоришь, мимо головы идёт. А ведь вот, бывало, Пашка. Зачнёт о политике говорить — ну всё тебе ясно, всё тебе понятно, будто свежие яички на стол выкладывает: тут тебе Китай, тут тебе французы толчутся, тут Англия дураков себе ищет... Обо всём, бывало, понятие даст. Он ведь по две газеты в день читал. И когда зачнёт говорить, каждое слово прямо в серёдку ложится, и было чего пожевать, об чём подумать. А теперь хоть тебя, Андрей Михалыч, взять, хоть вот и Алексея Евсёича: люди грамотные, а, кроме кукующих слов, от вас ничего ясного о политике не узнаешь. А без политики дыхания человеку нету. Ведь Пашка-то, бывало...

Так эти люди, пронятые чудесной завистью к далёкой артели, создают образ своего вожака. Они собирают воедино лучшие черты прежних председателей и парторгов и переносят их на Павла Савельева. Какой это организатор, какой агротехник, какой пропагандист!..

А с одуловатого лица Максима Кашеварова уже давно сошло выражение самодовольства, он нервно постукивает пальцами по столу, ёрзает, иногда проводит платочком по лицу. Он взволнован, ибо образ вожака, творимый этими людьми, сильнее и действеннее самой суровой, нещадной критики.

А. КОЛОСОВ

ОДНАЖДЫ...

О ШЕКСПИРЕ НЕ БЕСПОКОЙТЕСЬ!

Однажды двух петербургских артистов, И. П. Киселевского и В. С. Чарского, встретил в парке какой-то театрал, недружелюбно к ним относившийся. Желая их задеть, он спросил:

— Правда ли, господин Киселевский, что вы будете играть Макбета, а вы, господин Чарский, Отелло?

— Правда..

— Но ведь Шекспир в гробу перевернётся!

— Это предусмотрено, — невозмутимо ответил Киселевский.

— То есть как предусмотрено?

— Очень просто... Когда я Макбета сыграю, Шекспир повернётся ничком, а когда Чарский изобразит Гамлета, он снова, перевернувшись, займёт нормальное положение. Так что о Шекспире не беспокойтесь!..

ЭТО БЫВАЕТ

Однажды писатель Сологуб, автор популярного в прошлом веке романа «Тарангас», гулял со своей племянницей, девушкой редкой красоты. Повстречавший его знакомый, человек недалёкий, воскликнул:

— Скажи, пожалуйста, как это случилось? Ты никогда красивым не был, а дочь у тебя — писаная красавица.

— Это бывает, — спокойно ответил Сологуб. — Попробуй-ка, женись! Возможно, у тебя будут умные дети...

ВСЕ ПОНЯТНО

Однажды учёный Смит делал в салоне одной знатной дамы доклад о подводном телеграфе, проложенном тогда между Европой и Америкой. По окончании доклада хозяйка поблагодарила учёного за чрезвычайную ясность изложения.

— Я поняла всё до мельчайших подробностей, — сказала она. — Неясно мне только одно: почему телеграммы по трансатлантическому кабелю приходят сухими...

ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЫХОД

Однажды Вольтер беседовал с друзьями о последних музыкальных представлениях. Речь зашла о несовершенстве большинства текстов, на которые пишут оперы.

Выслушав сетования друзей, Вольтер сказал:

— Ничего не поделаешь! Издавна так уже повелось: если слова настолько глупы, что их стыдно говорить, их поют!

ОТВЕТ МУДРЕЦА

Однажды Сократ навестил в темнице его юный ученик Критиас. Увидев философа, приговорённого к казни, он заплакал.

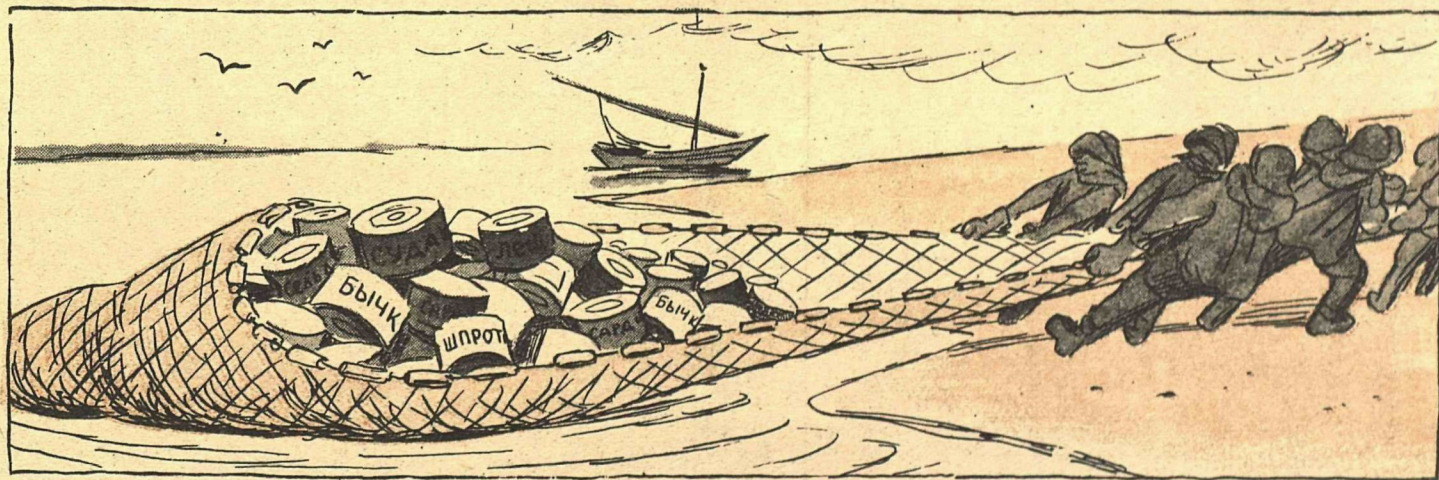
— О чём ты плачешь? — спросил Сократ.

— О том, что ты осуждён безвинно.

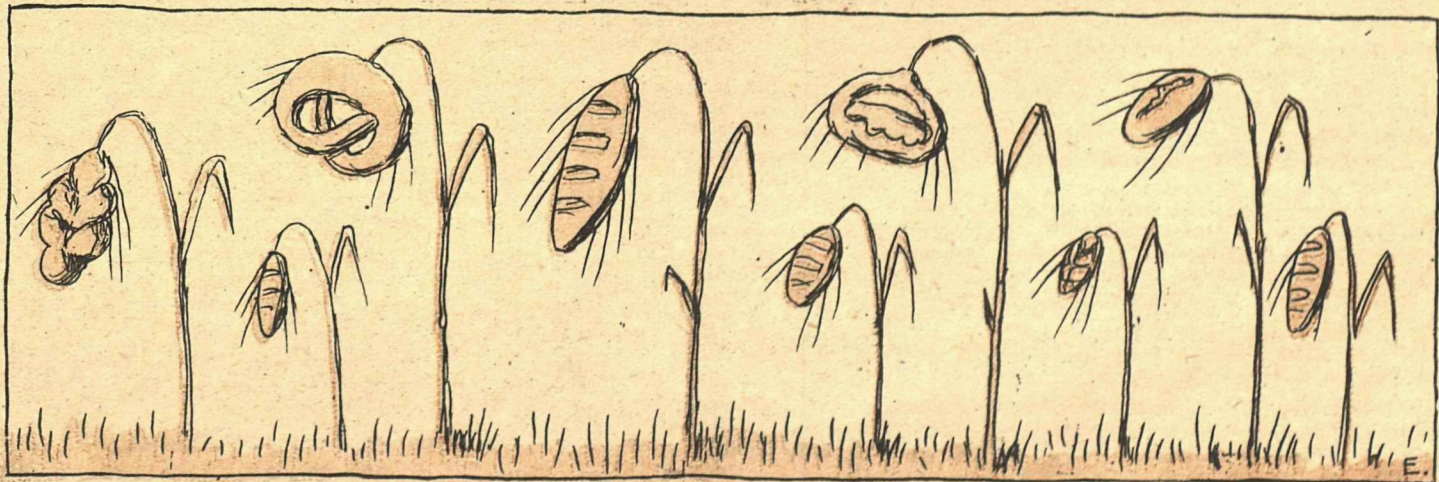
— Неужели же ты хочешь, чтобы я был виновен? — возразил с улыбкой мудрец.

КАК РИСУЮТ СЕБЕ НЕКОТОРЫЕ ЛЮБИТЕЛИ БЕЗЗАБОТНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ:

Рис. Е. Езганя

рыбозаготовки и

сбор урожая.

Рис. К. Елисева

— Морозоустойчивые сорта, товарищ агроном, у нас есть. Есть и засухоустойчивые. Вот только хулиганоустойчивой яблони нам не хватает.

Большая неприятность

В КАБИНЕТ директора энского завода Ивана Алексеевича Будягина вошёл его секретарь Котиков и остановился в дверях в выжидательной позе.

Будягин посмотрел на злобеще спокойное лицо Котикова и сразу понял, что произошло нечто недоброе.

И действительно, Котиков бесстрастным тенором сказал:

— Большая неприятность, Иван Алексеевич!

— Что там ещё такое?!

— «Ласточка» проиграла, Иван Алексеевич! И с позорным счётом: 4:1 в пользу «Соколиных крыльев». Только что получена телеграмма из Удойска!..

Иван Алексеевич побледнел, потом, медленно краснея, стал зачем-то переставлять у себя на столе пресспапье, чугунную пепельницу, стакан с карандашами. Он принадлежал к славному племени болельщиков и к «Ласточке», защищавшей на зелёных лужайках стадионов спортивную честь энского завода, относился с отеческой лаской. Ему было очень нехорошо.

— Что они, с ума посходили?! — раздражённо сказал Иван Алексеевич, растерянно глядя на Котикова.

— Не знаю, Иван Алексеевич. В телеграмме подробностей нет. Но факт остаётся фактом: «Ласточка» проиграла. Вернее сказать, продула. Если теперь они ещё продают в Пустозёрске, — ну, тогда конец «Ласточке».

— Когда матч в Пустозёрске?

— Через месяц!..

Иван Алексеевич встал и прошёлся по кабинету. Перед его мысленным взором возникли побитые игроки «Ласточки» — в своих синих трусах и белых майках с вышитой на груди летящей птичкой. Опустив головы, они тяжело бредут под свист удойских мальчишек по полю проигранного боя. Позор!

— Я не допущу, чтобы «Ласточку» побили! — с силой сказал Иван Алексеевич. — Вернутся из Удойска — вызовешь всех ко мне!.. Надо выяснить, почему они снизили качество игры, что мешает им побеждать?..

...Через неделю футболисты команды «Ласточки», загорелые, коротко остриженные парни, сидели вокруг стола для заседаний в кабинете Будягина и с печальными лицами слушали вступительное слово Котикова.

— Позор! — гремел Котиков.

— Позор! — вздыхая, соглашались с ним футболисты.

Потом стал говорить сам Иван Алексеевич.

— Товарищи! — мягко сказал директор. — Теперь будем говорить откровенно. Что, собственно, мешает вам хорошо играть?.. Может быть, по линии быта имеются претензии?..

Футболисты молчали, смущённо переглядываясь.

— Ну, у кого что болит?! Давайте не стесняйтесь! Поможем, обеспечим, наладим!..

«Правый край» Кошкин робко сказал:
 — У Шагалова... насчёт жилплощади болит.
 Голкипер Шагалов густо покраснел и выпалил:
 — Действительно!.. К мамаше тётка приехала! С семейством... Это мешает хорошо играть!.. Ещё бы одну комнату.
 — Записано! — бодро сказал Иван Алексеевич. — Ещё что?
 Голкипер Шагалов ещё гуще покраснел и сказал:
 — У Кошкина у самого болит... насчёт площади!
 — Хотелось бы поменять дровяное отопление на центральное! — улыбаясь во весь рот, сказал Кошкин и в свою очередь покраснел.
 — Записано! Ещё что мешает хорошо играть?
 Футболисты молчали. Маленький Полюсов, центрофорвард, осмелев, сказал:
 — Насчёт радиоприёмника можно?
 — Давай, давай, товарищ Полюсов!
 — Радиоприёмника у меня нет. Это определённо мешает хорошо играть. Хочется слушать передачи матчей из Москвы. И вообще... музыку тоже!
 — Правильно! — подняв палец, сказал Иван Алексеевич. — Верная мысль!.. Приёмниками обеспечим всю команду. Запишите, Котиков. Ещё что?..
 Когда совещание подходило к концу и блокнот Котикова заполнился многочисленными записями, раздался телефонный звонок. Иван Алексеевич снял трубку, послушал, погмыкал, удовлетворённо улыбаясь, и сказал, положив трубку:

— Зашевелились городские товарищи. Заведующий здравотделом звонит. Просил передать «Ласточке» привет и... путёвочки! Вся команда едет на две недели в дом отдыха... Отдыхайте, ребята, но уж покажите класс в Пустозёрске!..
 Месяц промелькнул, как во сне. Две недели игроки «Ласточки» прожили в доме отдыха, наслаждаясь жизнью и набираясь сил к предстоящему грозному матчу в Пустозёрске, потом переезжали на новые квартиры, потом коллективно шили костюмы в ателье мод и их донимали примерками...

Тренировкой заниматься было некогда. Один тренировочный матч не состоялся, потому что не пришёл маленький Полюсов: у него сломался новый радиоприёмник и центрофорвард чинил своё сокровище. Наконец, настал день отъезда «Ласточки» из Энска. На вокзале футболистов провожали Иван Алексеевич и Котиков. Гремела музыка заводского самодеятельного оркестра...

А через три дня Котиков со злобеще спокойным выражением лица вошёл в кабинет Ивана Алексеевича и остановился в выжидательной позе.

— Что там ещё такое? — болезненно морщась, спросил Иван Алексеевич.

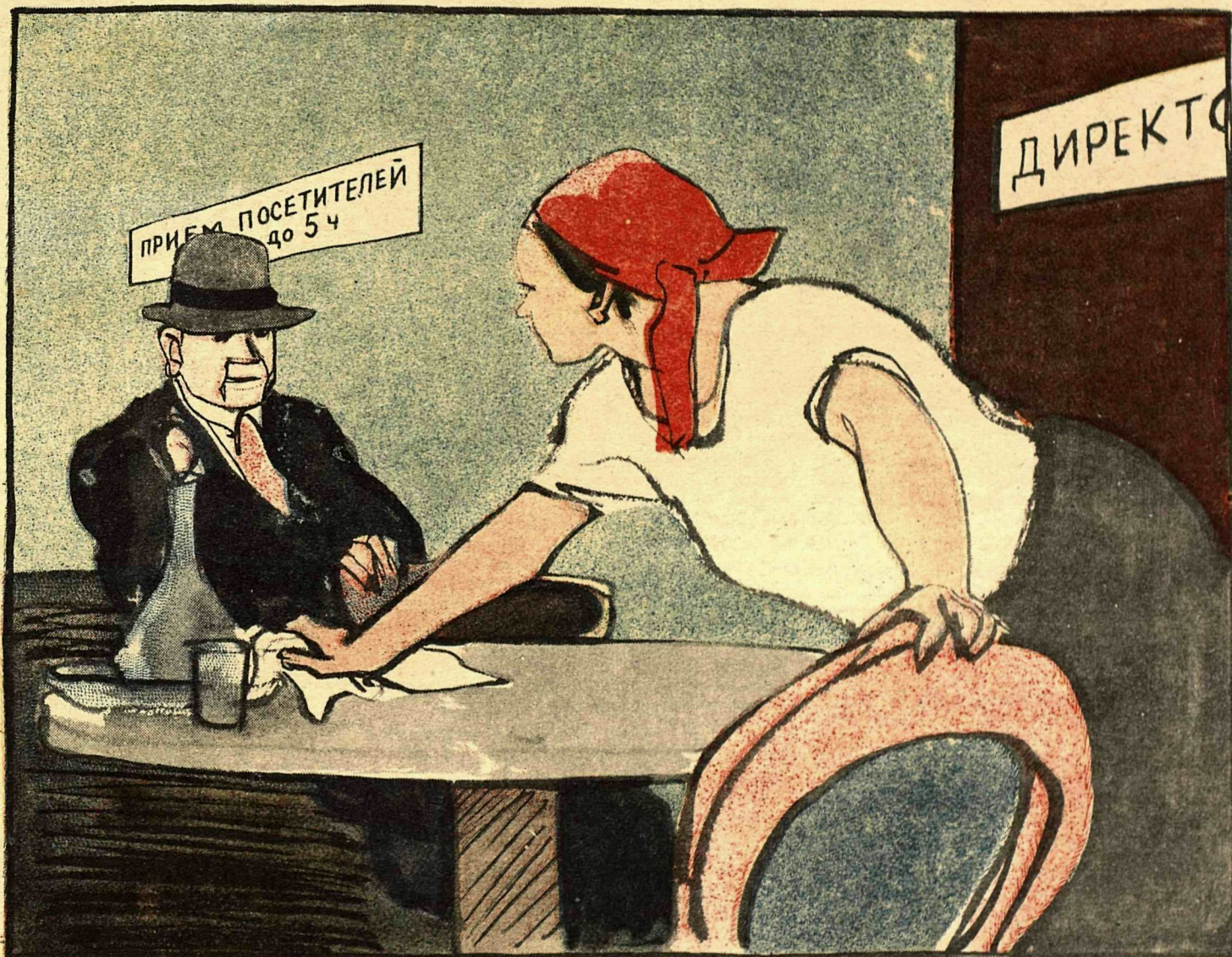
И Котиков тем же бесстрастным тенором сообщил:

— Большая неприятность, Иван Алексеевич: «Ласточка» продула матч в Пустозёрске со счётом восемь ноль...
 Иван Алексеевич схватился за сердце.

Леонид ЛЕНЧ.

КАДРЫ МЕЛЬКАЮТ, КАК В КИНО

Рис. В. Горяева

— Навидалась я тут директоров! Один только ночами и работал, другой целый день заседания проводил, третий на посетителей орал, четвёртый...

— А вы здесь, видно, давно работаете.

— Давненько. Вот уже второй месяц пошёл.

Все дороги ведут в ремонт.

Фаргелет

Мой собеседник неожиданно спросил меня: — А знаете ли вы, в каком веке жил Фаргелет и чем прославилась своё имя эта необыкновенная личность?

Мы только что говорили о невеждах и всезнайках, о людях, имеющих, как говорится, на грош амуниции и на рубль амбиции. Какие-то чудачки доверяют им читать лекции, выступать с докладами, а они в меру своих сил и ловкости засоряют мозги слушателей всякой чепухой.

— Чего же вы молчите? — продолжал мой собеседник. — Скажите мне что-нибудь о Фаргелете.

— Мой друг, — ответил я, стараясь придать моему голосу больше искренности и теплоты. — У меня от вас секретов нет. И если бы я хоть что-нибудь знал о Фаргелете, я бы охотно с вами поделился.

— Так вот, слушайте. Я вам расскажу о Фаргелете. Познакомился я с ним месяца два тому назад. И при очень странных обстоятельствах.

Это, конечно, похоже на анекдот. Но поверьте, в моём рассказе нет ни капли того, что писатели называют художественным вымыслом, а мы, простые смертные, — брехнёй.

В клубе нашего учреждения повесили красиво разрисованную афишу о том, что какой-то кандидат или аспирант выступит с лекцией на тему «Пути искусства от Шекспира до наших дней».

Хотя, как вам известно, я не работник искусства, но меня всегда интересовало, что творится на этих путях. И я пошёл на лекцию.

Путеводителем по искусству от Шекспира до наших дней оказался толстенький добродушный дядя с необычайно пламенным темпераментом.

Он не говорил, а кричал. О самых простых вещах он поднимал такой шум, как будто изобличал кого-то во всех смертных грехах.

Несмотря на свою солидную комплекцию, он с завидной лёгкостью птички порхал по эпохам, направлениям, фамилиям, цитатам. Ему ничего не стоило сразу перепрыгнуть с семнадцатого века в двадцатый или перескочить от Микель Анджело к Мосэстраде.

Так он прыгал больше часа. И нетрудно было догадаться, что, кроме трёх дат, двух цитат и энного количества развязности, в багаже этого «просветителя» ничего нет.

Когда он кончил, мой сосед, старичок-бухгалтер, поднялся и спросил:

— А какое ваше мнение, товарищ лектор, о Фаргелете?

Ни один мускул не дрогнул на мужественном лице великого искусствоведа:

— О Фаргелете? Чрезвычайно рад, что у меня сегодня такая культурная аудитория. Фаргелет — очень интересное явление в искусстве. Известно, что голландская школа оказала на него очень сильное влияние. В юности он очень увлекался романтизмом, но в зрелые годы смело и решительно прикинул к реалистическому направлению и порвал со своими старыми друзьями.

— Спасибо, — сказал старичок-бухгалтер. — Ваш ответ меня вполне удовлетворил.

Я наклонился к старичку и спросил: — Сидор Потаныч, а что вы сами раньше знали об этом Фаргелете?

— Ничего не знал. Но минут двадцать назад придумал. Возьмите слово «телеграф» и прочитайте его справа налево. Вот вам и «Фаргелет». И... вот вам весь лектор!

Г. РЫКЛИН

РАЗГОВОР С ЧАЙНИКОМ

Мой старый чайник отслужил
В трудах необычайных.
Один приятель удружил —
Принёс мне новый чайник.
Я слушал чайника напев
И думал: «Что за птица!
Ещё ничуть не закипев,
Он начал кипятиться».
Я крикнул, поддержав престиж:
— Да не свисти, не фыркай!
Взъярился чайник: —

Засвищишь,
Коль выпускают с дыркой!
Он бракоделов крыл, сипя,
Назвать их обещаю...
И чайник вышел из себя,
А я ушёл без чая.

В. ГРАНОВ

РИФМА ПОДВЕЛА

В журнале «Новый мир» № 4—5, в стихотворении Анатолия Софронова «Романтика», описывается московский вечер:

Горит в незаметной синеве
Серебряными тихими огнями.

Об этой опечатке не стоило бы упоминать, если бы несколькими строками ниже мы не читали о командире:

Он нам сказал: — Когда пройдёт война,
Мы в светлый мир придём, НЕ ОТУПЕЙ...

О том, что на этот раз мы имеем дело не с опечаткой, свидетельствует рифма: «портупей». Странная форма деэпричастия — «отупей» — вызвана, повидимому, тем роковым обстоятельством, что «отупев» с «портупей» не рифмуется.

Приходится лишь сочувственно вздохнуть по адресу новатора: синтаксис — упрямая вещь!

Власть синтаксических законов,
Как ни тяжёл подобный груз,
Распространяется, Софронов,
Увы; и на питомцев муз!

П. Б.

О БЫКНОВЕННАЯ, пожелтевшая от времени кожаная фуражка Трофима Горпинича служила барометром для всего личного состава колхоза «Ясные зори». Эту фуражку предколхоза носит добрых десять лет.

Если кожаная фуражка лихо сидит на затылке председателя, то все знают, что внутренние и внешние дела колхоза в порядке.

Если козырёк фуражки касается носа Трофима Исаевича и глаз не видно, — дела неважны. В эти часы непогоды никто не осмелится просить у председателя лошадей для вспашки личного огорода или для поездки на базар.

Гвардии бригадир Николаенко (почему он носил это звание, будет сказано ниже) сам видел, что кожаный «барометр» сидел на затылке предколхоза и показывал «ясно», когда у большой конны клевера оставилась бричка районного ветеринара Епифанского.

Горпинич поздоровался с ветеринаром, поставил ногу на колесо брички и стал выспрашивать новости. Обычно важные новости в колхозе узнавали от гостей, ибо районная газета «Колхозный ударник» выходила два раза в неделю, а в колхоз попадала на следующую неделю.

Поговорили о погоде, о лошадях ветеринара и перешли к более важным вопросам. Кучер ветеринара решил использовать дружескую обстановку и кинулся к душистому клеверу.

— Значит, вы едете из колхоза «Партизан»? — спросил Горпинич. — Ну, как там Фесько действует?

— А ничего. Завтра кончат хлебосдачу, сегодня повезёт на станцию последние центнеры. Имеет, между прочим, 405 килограммов экономии горючего, думает к празднику сидеть в президиуме.

— Так, так... — равнодушно сказал Горпинич, но «барометр» сразу переместился: козырёк коснулся носа председателя и пошёл показывать «буря».

В этот момент к бричке ветеринара подошёл гвардии бригадир Николаенко. Он хотел было просить председателя перебросить бригаду Петрусевой с фермы к нему, на строительство коровника. Но, увидев положение «барометра», дал задний ход и, вскочив на проезжавший воз с картофелем, укатил на стройку.

— Так что заканчивает хлебосдачу, — кисло усмехнулся Горпинич. — Ну, ну... Молодец Фесько! Наверное, уже во сне видит, что у него в правлении стоит Красное знамя.

— Кенечно, раз такое дело! Первый в районе! — подлил масла в огонь ветеринар, глядя на кучера, который тащил охапку клевера.

— Куда? Куда клевер таскаешь?! — вдруг закричал предколхоза Горпинич. — Что за самоуправство?! Кто тебе разрешил!

Кучер бросил на землю четвёртую по счёту охапку, вскочил на козлы, и ветеринар, нахмурившись, покинул поля колхоза.

— Травы пожалел, — ворчал кучер ветеринара, погоняя лошадей. Так началась в колхозе буря.

— Куда? Куда погнали машины? — спрашивал председатель у отошпёванных шофёров.

— По вашему распоряжению, за лесом. Гвардии бригадир сказал... — Я вам дам лес! Сейчас же вымойте кузова. Пойдут под хлеб.

Живо!

— Почему «Костик» и «Бурый» раскованы? А?

— Трофим Исаевич, вы же сами сказали, чтобы жеребцов не трогать и не гонять.

— Подковать немедленно. Ночью повезёшь хлеб на станцию.

— Вот только пообедая. Давай!

И жеребцы на галопе понеслись подковываться.

Только одну минуту за весь остаток дня «барометр» показал «переманно». Председатель встретил бухгалтера колхоза Ивана Петровича.

— Слыхал? Фесько хлебосдачу кончает. Ветеринар рассказывал. На первое место выходит. А мы радовались, что 80 процентов сдали...

— Кто рассказывал?

— «Кто», «кто», — передразнил бухгалтера Горпинич. — Епифанский, районный ветеринар.

— Брешет.

На минуту фуражка поехала на затылок.

— Почему брешет?

— Порода у них такая. Его дед был первый брехун в округе.

— Эх! Не брешет. Какой ему расчёт! Давай, Иван Петрович, нажмём сегодня, кончим хлебосдачу. Сам на станцию поедешь.

Весь вечер шла мобилизация транспорта. Бригада Петрусевой не пошла на стройку, а была брошена на перелопачивание хлеба. На другой вечер грузили хлеб при свете «летучих мышей», чтобы к рассвету быть на станции.

— Неужели не брешет? — всё грыз себя предколхоза Горпинич.

Позвонить в колхоз «Партизан» он не решался: всё равно правду не скажут, — в район, тем более неудобно.

Поздним вечером предколхоза проходил мимо дома гвардии бригадира Николаенко. Николаенко, недавно демобилизованный сержант, окрасил свои новые двери в яркий зелёный цвет и сам нарисовал на них крупным размером эмблему гвардии. За это его и звали «гвардии бригадир». Бригадир ужинал, когда ему постучали в окно.

— Председатель, — догадался Николаенко и, вытирая на ходу усы, выскочил на крыльцо, по привычке заправляя гимнастёрку.

— Потом отдыхать будешь, — строго сказал Горпинич. — Наладь прицеп и выдай шофёрам свои брезенты.

— Как же! У меня стройка. Срок кончается, Трофим Исаевич!

— Гвардия не должна бояться трудностей. Давай! А нет, — сотри вот этот знак с дверей.

— Ладно. Сейчас пойду.

— Обставил нас Фесько. Сеяли, убирали... а Фесько справился лучше нас. Первым спал.

— «Женитьба Белугина» — не брак? «Женитьба Фигаро» — не брак? «Свадьба Кречинского» — не брак? А моя шьеса, говорят, — брак!

Николаенко видел, что предколхоза мучается, и предложил:

— Может, Трофим Исаевич, закусишь? И чарка как раз есть...

— А! — крикнул Горпинич и провёл рукой по горлу: — Не могу.

До самого вечера другого дня «барометр» не подымался. До станции Солдатская, куда свозили хлеб, было сорок километров, и лишь к вечеру вернулся посланный в глубокую разведку бухгалтер Иван Петрович.

Увидев, что козырёк «барометра» всё ещё находится в крайнем нижнем положении, бухгалтер, немного помедлив, решительно сказал:

— Брешет! Брешет, как его дед. Мы, считая сегодняшнюю сдачу, на первом месте. Вот сводка. Через три дня будет в газете.

В это время подъехала бричка ветеринара. Приехал один кучер. Епифанский поехал поездом в область...

— Стой! — приказал кучеру Горпинич. — Когда ты у меня клевер брал, вы откуда ехали? А?

— Из района.

— А в колхозе «Партизан», в Лопатичах, были?

— Нет, не заезжали. У нас кобыла была охромевши, мы целую неделю никуда не выезжали.

— Молодец твой ветеринар! Хорошо брешет! — обрадованно сказал предколхоза «Ясные зори».

И тут же кожаный «барометр» показал «ясно». Козырёк приподнялся и открыл седеющий чуб председателя.

Кучер хотел было тронуть лошадей и поехать дальше, но Горпинич строго сказал:

— Куда? Набери клеверу. Вон там подальше. Там почище.

М. Эдель.

ИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

ЛЕТНИЙ безоблачный день. Город Омск. Аэродром. Совершает посадку пассажирский самолёт. По трапу из самолёта на омскую землю выходят пассажиры. Вскоре одного из этих пассажиров мы видим входящим в кабинет секретаря Омского обкома комсомола тов. Чистякова.

Внешность вошедшего: рост средний, светлый шатен, пышная шевелюра, крупный курносый нос. На вид ему лет двадцать восемь — тридцать, одет несколько небрежно.

— Поэт Александр Петров, — представился вошедший и, дружески пожав руку тов. Чистякову, сел в кресло.

Тов. Чистяков бегло оглядел импозантную фигуру поэта, заметил на его груди колодку с ленточками орденов и медалей и мучительно стал думать: читал ли он когда-нибудь стихи этого поэта?

Вошедший совершенно точно знал, что тов. Чистяков думает сейчас именно об этом. Больше того, он так же точно знал, сколько секунд нужно дать тов. Чистякову на эту процедуру, чтобы в конце концов тов. Чистяков почувствовал стыд за незнание отечественной литературы. И вот секунды истекли...

— Если бы вы знали, — говорит вошедший чуть дрожащим грудным голосом, — если бы вы знали, как нашему брату мучительны эти минуты, когда нас не узнают, минуты, после которых надо лезть в карман и вынимать справку...

— Да нет, что вы, не надо... — робко промямлил тов. Чистяков.

Александр Петров останавливает движение руки к внутреннему карману и неожиданно горячо говорит:

— Вы думаете, мы виним вас за это? Ничуть! Боже мой, мы же знаем, в чём дело: во-первых, так малы тиражи наших книг, что не редкость — города, куда книга не попадает совсем, а во-вторых, все вы, руководящие работники, до того завалены своей тяжёлой круглосуточной работой, что нам стыдно требовать, чтобы вы ещё находили время для чтения наших поэтических шалостей.

Эта тирада мгновенно гасит неловкую начальную сцену встречи и знакомства. Тов. Чистяков благодарен поэту за то, что он так хорошо всё понимает и так искренно об этом говорит, и ему ничего не остаётся, как выйти из-за стола и, подойдя к поэту с дружеской улыбкой, сказать:

— Ну, как дорога? Надолго ли к нам пожаловали?

Хлоп! Точный, выверенный механизм сработал: западня захлопнулась — и в западне тов. Чистяков. И теперь поэт Александр Петров делает с ним, что хочет.

Чистяков звонит по телефону в гостиницу и распоряжается предоставить поэту забронированный номер, затем он звонит в райком комсомола о необходимости организовать литературные вечера Петрова. Между двумя телефонными звонками Александр Петров снова грудным голосом говорит:

— Сейчас шёл по улице и обогнал двух девушек, они шли и пели песню «Тёмная ночь»... Вы знаете? Нет для поэта ничего более волнующего, чем услышать свою песню в каком-то далёком краю...

Звоня секретарю следующего райкома комсомола, тов. Чистяков говорит о необходимости организовать литературные вечера «известного поэта Александра Петрова, автора песни «Тёмная ночь»...

— «Тучи над городом встали» и другие, — небрежно добавляет поэт.

Тов. Чистяков повторяет в телефон:

— «Тучи над городом встали...»

Мы при этом разговоре не присутствовали. Точность диалога между Петровым и Чистяковым на нашей совести. Но на совести тов. Чистякова куда больший грех: на его глазах резвился проходимец, а он ему аплодировал.

Дело сделано — колесо закрутилось. Вечером в гостиницу прибегает замысловатый директор районного «Сада отдыха», он спрашивает у поэта, как его титуловать на афише.

— Афиша типографская или ручная?

— Ручная, — тихо говорит директор, и его лицо заливают краска стыда за кустарность предприятия.

— Напишите просто и коротко, — говорит поэт. — «Литературный вечер. Тема — «Любовь и дружба». Выступает поэт-орденоносец, лауреат Александр Петров» и — всё...

...Так Александр Петров — жулик, аферист, ничего общего с советской литературой не имеющий — разъезжает по градам и весям и находит простаков, помогающих ему в его тёмных делах.

Недавно «лауреат и поэт» Александр Петров проследовал через Москву. Спутникам по вагону он говорил, что едет в Феодосию, а потом на Кавказ. Он читал своим соседям по купе стихи Суркова, Симонова, Есенина и скромно, потупив очи долу, говорил:

— Это мои последние стихи. Ещё окончательно не отработанные...

Вас. АРДАМАТСКИЙ

Скверная мода.

ХРИЗАНТЕМЫ И ТЫКВЫ

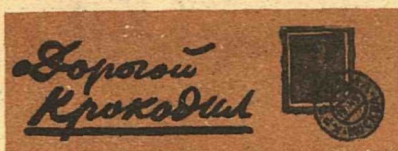
В Каменске, Ростовской области, функционирует специальная контора по озеленению города. Случилось так, что подобравшись в этом симпатичном учреждении весёлые люди. И первый весельчак среди них — сам заведующий конторой тов. Кудинов.

Ещё весной выступил тов. Кудинов в местной газете с большой увлекательной статьёй, посвящённой озеленению города. Он наиподробнее объяснял читателям, какие эстетические наслаждения дают цветочные насаждения, и призывал всех добрых горожан дружно включиться в цветочно-озеленительную кампанию.

«Жители города охотно откликнулись на заманчивый призыв, — пишут нам из Каменска товарищи Н. Растеряев и А. Сорокин, — вскапывали землю, разбрасывали на улицах газоны, закладывали семена, из которых должны были проклеваться обещанные тов. Кудиновым фиалки, хризантемы и прочие прелести. И вот прошло положенное время, газоны стали зеленеть, а вместе с ними позеленели от неожиданности лица добровольных озеленителей.

«Бабушки! — воскликнули горожане, — Это что ж такое лезет вместо цветов?!» Вместо цветов на улицах города распустилась несколько ботва, весело потянулись вверх побеги фасоли, гороха и тыквы. А на газонах перед зданием горисполкома образовалась живописная чересполосица из сорняков, подсолнуха и пшеницы».

И всё-таки, добавим ко всему сказанному, жителям Каменска не следует особенно огорчаться. Могло быть хуже. С такой же лёгкостью, с какой они проделали вышеописанную операцию, весёлая контора тов. Кудинова могла озеленить город колючим репейником и пыльным лопухом.

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Я имел удовольствие прокатиться на пароходе по каналу Волга — Москва. В город Дмитров мы опоздали всего на семь часов. Всю ночь мы не сомкнули глаз, слушая непрерывную симфонию гудков. Когда же гудки на редкие минуты утихали, нас развлекали клопы. Сверх программы во время погрузочно-разгрузочных операций силами команды устраивались концерты мастеров «нехудожественного» слова, содержание которых обычными словами передать нельзя.

К сожалению, капитан Никишев и первый штурман Гречухин всю дорогу вместе с пароходом находились под парами, и мы не имели возможности их лично отблагодарить словами, идущими от всего сердца:

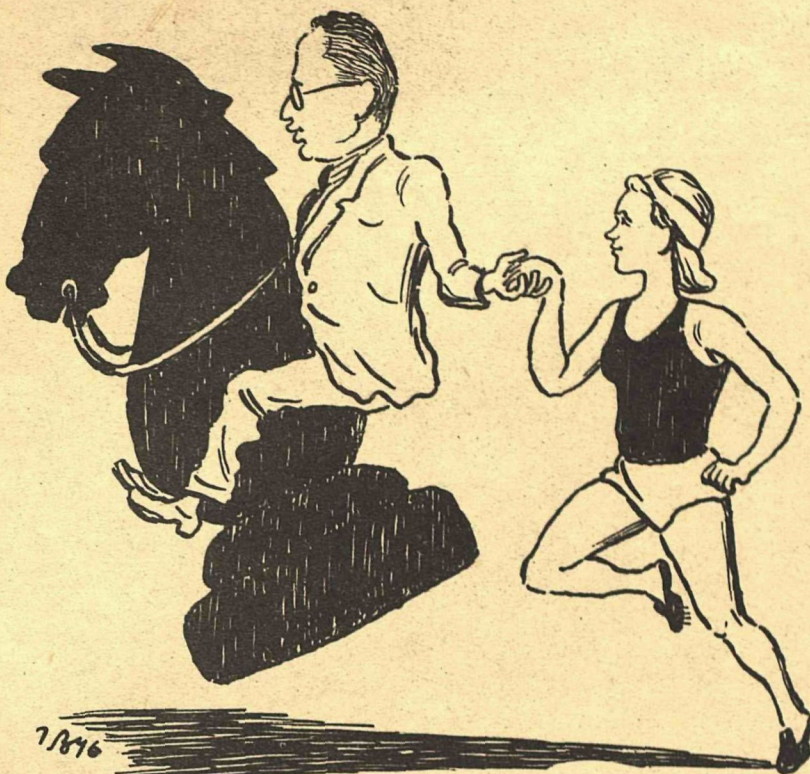
— Гоголя на вас нет, товарищи!
В. МЕДВЕДЕВ,
кандидат технических наук

Москва.

ОТ РЕДАКЦИИ: Мы не согласны с последним замечанием тов. Медведева, так как пароход, на котором он совершил своё замечательное путешествие, называется «Н. В. Гоголь».

Дорогой Крокодил!

Я та самая девушка, которая получила первую премию на карнавале в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького за костюм «Богиня правосудия».

Конный пешему — товарищ:

(Посвящается чемпиону Европы по бегу Евгении Сеченовой и победителю на шахматном турнире в Гронингене Михаилу Ботвиннику.)

Когда стало известно, что из многочисленных костюмов отмечен в первую очередь мой, я обрадовалась. Но, после того как мне вручили премию, я с горечью убедилась, что вовсе не награждена, а скорей наказана. Ибо кто обрадуется чахламу, больному, кашляющему поросёнку, который ни на минуту не даёт покоя и причиняет много хлопот и неприятностей? Кому нужно это жалкое существо?

Никому! Даже Парку культуры и отдыха, который нашёл весьма остроумный способ, как от него избавиться.

И вот теперь как «бывшая богиня правосудия» я сижу и горько размышляю: какое наказание придумать директору Парка за свинью, подложенную мне в виде поросёнка-премии?

Надежда Шабад

Москва.

ЧЕЛОВЕК-КОМБИНАТ

Товарищи из Министерства бумажной промышленности!

Чего стоит ваша хвалёная забота о кадрах? Известно ли вам, что где-то в Смоленске в подведомственной вам системе прозябает человек феноменальных способностей и талантов — начальник смоленской конторы Главбумсбыта тов. Чернышёв?

Своим пренебрежением к тов. Чернышёву вы довели его до того, что он сам вынужден о себе кричать, вынужден сам себя рекламировать, сам писать редакторам районных газет, чтобы они довели до сведения районных организаций, совхозов, колхозов и МТС, которые «нуждаются в постоянном человеке в Смоленске», что, мол, такой человек и есть сам Чернышёв.

«Имею возможность», — пишет Чернышёв, — взять на себя функции представителя в Смоленске от ваших организаций на получение в Смоленске с баз товаров, материалов, запасных частей и переправку их по назначению.

Имею возможность принятый материал хранить на складе и производить полный и частичный отпуск. Оплата за услугу, складское помещение и охрану по договорённости. Можно продуктами.

Одним словом, не работник, а находка. Почему на эстраде с успехом подвизаются «человек-оркестры»? А вот такой «человек-комбинат», как Чернышёв, пребывает в неизвестности. Почему Министерство бумажной промышленности не даёт ему хода? Справедливо ли это?

ХОДА НЕТ

Как известно, за честь считается родной Гомера спорили в далёкой древности семь городов. Конечно, Иван Иванович Шипкинский — не Гомер, но в своём искусстве тоже был замечательным мастером, и город Елабуга, где родился и работал

этот знаменитый русский художник, вполне мог бы гордиться таким земляком.

К сожалению, у Елабужского горисполкома своя «кочка зрения» на сей счёт.

«Грустно смотреть, в каком состоянии находится дом-музей Шипкина в Елабуге, — пишет корреспондент газеты «Кызыл Татарстан» тов. Сафиуллин, — Запущенное; обветшалое здание. На воротах кое-как, тяп-ляп, написано белой краской: «Музей». Во дворе огород, живописно окаймлённый мусором, а над входом в музей красуется выразительная надпись: «Хода нет». Всё это тем более непонятно, что на благоустройство музея ежегодно отпускаются крупные средства. В нынешнем году ассигновано 46 тысяч рублей, но до сих пор израсходовано не более 10 процентов этой суммы. На что это похоже?»

Бонмси утверждают категорически, но похоже на то, что Елабужский горисполком хочет видеть на месте дома-музея Шипкина один из известных шипкинских пейзажей: лесную глушь и бурелом, в котором копошатся мохнатые мишки.

К Л Ю Е Т И ..

Нам достоверно известно, что бык «Мишка», принадлежащий Сасовскому парку железнодорожников, очень доволен своей жизнью. Днём он мило проводит время на спортивной площадке парка, а вечера тихо коротает в зрительном зале летнего театра, предоставленного в его полное распоряжение заботливой дирекцией парка.

Ну, поскольку спортплощадка и театр перешли во владение счастливого «Мишки», естественно, посетителям парка там уже нечего делать. Впрочем, им нечего делать и в других уголках парка. Так как то, что раньше было уютным местом отдыха, теперь пришло в полное запустение.

Что же делает директор парка Бакланов? О, он очень занят! Будучи страстным рыболовом, он всё время проводит на реке с удочками. А клёв, говорят, в этом году особенно удачен. И не бросать, в самом деле, удочки из-за какого-то парка!

ГРОЗНЫЙ СЕМКИН

До сих пор десятилетняя Аллочка Ласточкина, ученица выборской неполной средней школы № 2, ни в чём предосудительном замечена не была. Она была вполне благопристойна и благовоспитанна. И если иногда шалела, то шалости её были абсолютно невинны и редко-редко влекли за собой суровое наказание. И тем не менее бедную Аллочку привлекают к ответственности. И кто? Собственная школа.

В один далеко не прекрасный для Аллочки день во время каникул она получила грозную повестку:

«Ласточкина, явиться к 11 часам сегодня в школу. В случае неявки будете привлекаться к ответственности.

Дирекция школы».

Ни жива, ни мертва примчалась Аллочка в школу. Там уже находилась её подружка, которые нервно комкали в руках такие же повестки. Что случилось? Да ничего особенного. Директор школы Семкин спокойно объяснил:

— Видите ли, нам ремонтируют парты, а взамен этого я обещал прислать ребят на прополку. Вот я всем и послал повестки с предупреждением.

Правильно, тов. Семкин! Нечего с малышами стесняться, Покруче нужно с ними быть, посуровее!

Впрочем, не нам вас учить. По всему видно, что вы отлично знаете, как это делать.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются.

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедн. с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 р. 20 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда».

Москва.

Изд. № 520.

Подп. к печати 14/IX 1946 г.

Статформат 72×105 см. Печ. л. 1½.

Кол. зп. в 1 печ. л. 78 000.

А 08577.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 2017.

Тираж 150.000 экз.

ВСЕСОЮЗНАЯ
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
ОБЯЗ. ЭНЗ
1946 г.

5329

Рис. М. Черемных

— За что мне двойка? Ведь ошибки не мои, а Учпедгиза, министерства местной промышленности и управления промкооперации.